

Г. М. ПОГОРЕЛЕНКО

Воронежский университет

ОБ УПОТРЕБЛЕНИИ ПРИЧАСТИЙ В ДЕЛОВОМ ЯЗЫКЕ XVIII в.

Тема раскрывается на материале рукописи «Экстракт с присовокупленными рассуждениями и примечаниями о Колывано-Воскресенских заводах по сие время состояния». «Экстракт»¹ представляет собой отчет чиновника-ревизора о состоянии Колывано-Воскресенских заводов за 20 лет их «казенного содержания». Большую часть отчета составляют «извлечения» (дословный пересказ, краткое изложение содержания, цитаты) из многочисленных документов, отражающих жизнь известных в России серебро и золото добывающих заводов. Документы в каждой главе приводятся в хронологическом порядке и часто сопровождаются комментариями и рекомендациями автора. Кроме того, в отчете приводится большой материал о разных сторонах жизни этого большого горно-рудного производства. Поэтому язык «Экстракта», будучи во многом похожим на язык канцелярских документов, существенно отличается от него. Это язык новой производственно-деловой литературы, базирующейся на основе «славено-российского» языкового ядра, более сложный и более книжный, чем язык канцелярских документов. «Экстракт» принадлежит к числу именно той не художественной, а рождающейся производственно-деловой, научной, публицистической и другой литературы, за счет

¹ В известной нам литературе нигде не упоминается жанр деловых документов под названием «экстракт»; словари и энциклопедии также не дают к этому слову пояснения, близкого к «документу».

которой во второй половине XVIII века шло дальнейшее развитие общелитературного письменного языка.

Нами проводится изучение лексического состава этого памятника. В данной работе подвергается анализу употребление причастий. Причастия это не чисто грамматическая категория, а точнее лексико-грамматическая. При этом показательно заимствование причастий настоящего времени действительного залога в виде лексем из старославянского языка: «русский книжный язык лексически заимствовал ряд причастий из старославянского языка, а затем эти лексические заимствования стали моделью, по которой образовывались действительные причастия настоящего времени от всех глаголов русского языка».² Кроме того, как и другие лексические категории, причастия имели стилистическую характеристику (в плане «трех штилей» Ломоносова), образование этих форм было возможно не от всех глаголов литературного языка.

Исследования (С. П. Обнорского, С. Д. Никифорова и др.) памятников литературного языка разных периодов времени и различных жанров показывают, что причастия всегда были принадлежностью только письменного (в противоположность разговорному) языка, причем не всех его жанров, а в основном церковнокнижных.

Теория «трех штилей» Ломоносова и его «Российская грамматика» узаконили традиционное употребление причастий (кроме страдательных прошедшего времени) в «высоком штиле». В разных параграфах «Грамматика»³ подчеркивает «некоторую высоту» причастий, рекомендует употреблять их «в высоком роде стихов», «в риторических и стихотворческих сочинениях». Создавать эти причастия, по правилам «Грамматики», должно было только от глаголов старославянских, а также от тех «российских», «которые от славянских как в произношении, так и в знаменовании никакой разницы не имеют».

В деловой литературе предшествующих эпох (исследования С. П. Обнорского, С. Д. Никифорова, П. Я. Черных, Р. Ф. Титовой и др.) употребление причастий было крайне

² Е. М. Смирнова. Употребление действительных причастий настоящего времени в русском литературном языке (вторая половина 18—начало 19 века).— Автореферат.

³ М. В. Ломоносов. Полное собрание сочинений, т. 7. М.—Л., 1952 г., стр. 196, 547.

ограниченным, единичным. В докладах и рапортах самого Ломоносова, как позволяет судить предварительное знакомство, причастия на *-щий* и *-вш* весьма редки, а на *-м* почти не встречаются.

Нормы употребления причастий в нашем памятнике не соответствуют традиционным.

Прежде всего обращает на себя внимание факт активного использования причастий в языке производственно-делового сочинения. Язык рукописи насыщен причастиями. Нами отмечено около 2500 случаев использования причастий; в среднем на страницу текста приходится 7 причастий. Соотношение различных форм их таково: причастий настоящего времени действительного залога—449 употреблений от 85 глаголов, причастий настоящего времени страдательного залога — 285 употреблений от 104 глаголов, прошедшего времени действительного залога—173 от 32 глаголов и прошедшего времени страдательных—1841 от 408 глаголов.

подавляющее большинство причастий образовано от глаголов, общих для старославянского и русского языков. Это глаголы общеупотребительного фонда, такие, как *дать*, *иметь*, *писать*, *видеть*, *лежать*, *чинить* и т. д., а также многочисленные приставочные глаголы: «*вписме писанномъ*», «*видимыхъ рудъ*», «*примечания, яко поводъ дающия ко исполнению*», «*работы производимы*», «*продолжающиеся непорядки*», «*находящимися офицерами*», «*исправляемых работахъ*», «*учинившагося пожара*», «*посланной указъ*», «*порученной комиссии*» и т. д.

Некоторое количество причастий образовано от глаголов старославянского происхождения: «*купцы жительствующия*», «*требующей работе*», «*хранившися руды*», «*употребленныя расходы*», «*учрежденной комиссии*», «*гласящия наставления*» и др. На примерах видно, что причастия в рукописи образованы от таких старославянских глаголов, которые прочно вошли в словарный фонд русского литературного языка и широко употреблялись в «посредственном» слого. Встречается только одно причастие от глагола, принадлежащего, несомненно, к стилю церковного жанра— «*благоразтворенного воздуха*», и то, между прочим, с русским окончанием род. пад. муж. рода.

Попутно отметим, что встречается только три старых формы старославянских причастий прошедшего времени

действительного залога: «явльшимся избеговъ числится... сорок тысяч восемь душ», «показующимися жилами», «оказующемуся недостатку», параллельно с последним многократно употребляется более поздняя форма: «оказывающиеся трудности». Употребление этих причастий единично, никаких стилистических функций в тексте они не выполняют.

Но в рукописи помимо причастий, образованных от старославянских и общего фонда глаголов, есть некоторое число таких, которые созданы от более поздних глагольных образований. Этих глаголов нет в словаре А. Х. Востокова, в «Лексиконе треязычном», в «Материалах для словаря древнерусского языка» И. И. Срезневского. Хотя они созданы на общеславянских основах и с помощью русских и старославянских словообразовательных элементов, тем не менее, это новые глаголы, с новым значением. Они неизвестны старославянскому языку, и образование от них причастий идет вразрез с требованием «Российской грамматики» Ломоносова.

От новых глаголов находим причастные образования всех четырёх форм.

Причастия действительного залога настоящего времени: «оказывающихся отговорок», «пристраивающееся строение», «причинствующая работы», «удовольствующиx резолюеи», «соответствующия должности». Последнее образовано от глагола «соответствовать»; который, очевидно, является калькой с французского.

Действительные причастия прошедшего времени: «воспоследовавшей апробации», «накопившейся воде», «оказавшихся неудобств», «стоивших вещей».

Причастия страдательного залога настоящего времени: «возобновляемые противоречии», «выплавляемой меди», «вырубаемым лесам», «доставляемья инструменты», «определяемой комиссии», «иноземцы... кпашне приохачиваемы» и ряд других, в том числе и кратких.

Причастий страдательного залога прошедшего времени в рукописи особенно много: «испорченныя нравы», «переменных работников», «просверленныя образцовыя манеты», «обнародованная бергъ привиллегия», «освидетельствованная серебро содержащая жила», «отмаркшеидера кузнеца ва уведомлено», «далняя вглубь добыча препятствована

быть может», «ктому рудоприскатели *приохачиваны*» и др.

Однако во второй половине XVIII века наблюдаем еще более интересное явление в истории становления причастий в литературном языке. Они образуются не только от новых русских глаголов вопреки рекомендациям «Грамматики» Ломоносова. В круг глаголов, дающих причастия, втягиваются иностранные заимствования. Так, форма причастий на *-щий*, принадлежавшая всегда к высокому, церковно-книжному языку, образуется от глагола *командовать*, заимствованного из какого-то западноевропейского языка: французского, немецкого или голландского (первоисточник латинский): «отсибирского губернатора над войском *командующего*» с окончанием *-аго* в род. пад. ед. числа муж. рода. Неоднократно встречается это причастие, перешедшее в существительное, а также сложное слово «*главнокомандующий*», что говорит о прочном усвоении этой формы русским языком.

Причастий действительного залога прошедшего времени от иностранных глаголов в рукописи нет.

Причастия настоящего времени страдательного залога: «*претендуемым* местам», «*приложенныя ведомость* и советника христиане мнение... *уважаемы* небыли», «справедливо следуемых казённых претенсеи *уважаемо*... небыло».

Самая большая группа причастий от заимствованных глаголов — страдательные прошедшего времени: «*апробированное* докладом учреждение училища», «оное представление указом ис кабинета... *апробировано*», «*ассигнованныя* 80000 рублей», «*опубликованным* указом», «*публикованному* указу», «*искомандированных* полков 4 роты пехоты», «*прикомандированных* штатов», «*вконфермованном* докладе», «*конфермованных* штатов», «*практикованных* афицеров», «*прожесктированных* указов», «*прожесктированное* разчищение реки», «*пробованная* руда», «руды *пробованы* были», «*начто* канцелярию горного начальства *рапортовано*», «*втом рекомендовано* старание канцелярии горного начальства».

Всего отмечено 50 случаев употребления причастий от глаголов нерусского происхождения, причем в это число не входят те, которые перешли в существительные и прилагательные и тоже употребляются в рукописи.

Конечно, от новых глаголов как русских, так и заимствованных, более всего образовано причастий страдательных прошедшего времени. Это понятно. Такие причастия не были стилистически ограниченными и очень широко употреблялись в различных жанрах письменности XVIII в. Круг глаголов, увеличиваясь с развитием языка, давал все больше таких причастных форм. Но поскольку другие причастия теряли свою стилистическую окраску, то этот круг глаголов скоро должен был стать общим, что и осуществилось к началу XIX века.

Итак, уже в третьей четверти XVIII века в нормах употребления и образования причастий даже по сравнению с первой половиной столетия наблюдаются значительные изменения.

Круг глаголов, от которых образуются причастия, расширяется. В него входит некоторое количество исконно русских слов и большое число глаголов более позднего образования, а также глаголов — заимствований из западноевропейских языков. Ограничения, проведённые классицизмом в отношении глаголов, рекомендованных для образования причастий, перестают быть нормой для пишущих.

Причастия от старославянских, русских и заимствованных глаголов употребляются в совершенно одинаковых стилистических контекстах производственно-делового сочинения. То есть причастия выходят за рамки бытования в стилях «высокой» и церковной литературы и вливаются в состав языковых средств общеупотребительного литературного языка. При этом число причастных лексем в литературном языке все увеличивается за счет расширения круга глаголов, от которых они образуются, и за счет все более частого использования их в речи.

Таким образом, по языку рукописи удаётся, с одной стороны, зафиксировать один из моментов истории усвоения причастий русским литературным языком, с другой — выявить характерные черты языка производственно-деловой литературы, который делается более книжным и выразительным по сравнению с канцелярским и приближается по своему характеру к современному литературному языку. Последнее обстоятельство даёт право утверждать, что сочинения подобного жанра играли определённую роль в процессе формирования норм национального русского литературного языка,